

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТОМ XVII

ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1958

Д. С. Лихачев
(Ленинград)

Очень часто встречаешься с мнением, что издание древнеславянских текстов должно удовлетворять как литературоведов и историков, с одной стороны, так и языковедов — с другой. Основанием к тому выставляется необходимость экономить труд издателей. Издание памятников, утверждают сторонники этой точки зрения, дело сложное, весьма трудоемкое и требующее больших затрат. Поэтому необходимо обеспечить такие точные способы научного издания памятников, которые могли бы удовлетворить всех работников науки, с тем, чтобы не требовались повторные, более точные издания. При этом все различие между изданиями, предназначенными для историков и литературоведов, с одной стороны, и для лингвистов — с другой, сторонники этого мнения видят только в степени точности передачи орфографии и графики рукописей. Если историки и литературоведы, утверждают они, могут удовлетвориться не буквально точной передачей текста, то лингвистов может удовлетворить только издание текста с полным соблюдением орфографии и последовательной передачей особенностей графики. Указаний на какие-либо другие различия между изданиями лингвистическими и историко-литературоведческими в исследовательской литературе мне не встречалось.

Если дело обстоит действительно так, т. е. если действительно следует экономить только труд издателей, а не труд тех ученых, которые этими изданиями будут пользоваться, и если действительно все различия состоят только в степени точности передачи орфографии и графики, то издавать следует несомненно так, как того требуют сторонники этой точки зрения: для историков, литературоведов и языковедов вместе.

Дело, однако, обстоит гораздо сложнее. Прежде всего о принципе экономии. Наука движется путем дифференциации специальностей, возникновения новых специальностей, углубления различий, углубления специфических особенностей методики научных исследований и т. д. Точно также и в производстве: промышленность увеличивает виды продукции, идя навстречу усложняющимся потребностям людей, а не упрощает их потребности, идя навстречу экономии затрат производства. Я позволил себе обратиться к примеру производства, так как аргумент сторонников упрощения типов издания именно «производственный»: он имеет в виду экономию издательских затрат в первую очередь. Отметим и другую непоследовательность в рассуждениях сторонников этой точки зрения: не допуская возможности различать издания, предназначенные для лингвистов и историков, с одной стороны, и для языковедов — с другой, сторонники объединения этих изданий допускают, однако, сосуществование разных типов изданий памятников по степени их сложности: научных, учебных, популярных изданий.

При обсуждении вопроса об экономии следует, как мне кажется, помнить и о другом: издаваемый памятник начинает «жить» в ученых трудах — его цитируют. Об удобствах цитирования в научных трудах необходимо всегда заботиться, издавая памятник. Если издавать его со всеми его орфографическими, графическими и прочими особенностями, с юсами (а может быть, и с типами юсов — например, с треугольным юсом малым) и пр., сохраняя при этом титла, выносные буквы и т. д., то как же его цитировать? Ведь текст придется упрощать, истолковывать, раскрывая титла, сокращения, вносить выносные буквы в строку и т. п. Значит, единого текста не будет, каждый будет производить всю работу на свой лад, а некоторые, малоопытные в изданиях текстов, исследователи начнут еще делать это с ошибками. Где ж тут экономия? Лингвисты, может быть, захотят и смогут оставить в своих исследованиях именно тот текст и памятник, который напечатан, но историкам и лингвистам, спрос которых на издания древних памятников количественно значительно превышает спрос лингвистов, оставлять такой текст с сохранением всех особенностей его публикации будет просто невозможно; иначе придется перестраивать шрифтовое хозяйство во всех типографиях, где только печатаются издания историков и лингвистов. Следовательно, и с точки зрения экономии — предложение объединить публикации памятников едиными правилами для лингвистов, историков и лингвистов может быть подвергнуто основательному сомнению.

Практика показывает, что изданиями текстов пользуются многие десятки лет, эти издания обслуживают десятки тысяч ученых, об экономии труда которых и следует в первую очередь подумать, сделав издания удобными в пользовании ими, полностью соответствующими требованиям различных научных дисциплин, что возможно только тогда, когда издания будут иметь вполне конкретного адресата, будут учитывать специфические требования каждой научной дисциплины. Сторонники общих изданий древних текстов напрасно полагают, что между языковедами, лингвистами и историками может быть достигнуто единство требований, если только историки и лингвисты согласятся пользоваться изданиями, «более точными в орфографическом и графическом отношении», чем они пользовались до сих пор. Эти различия гораздо серьезнее.

В чем же заключаются различия между требованиями к изданиям текста лингвистов, лингвистов и историков?

1. Установление текста, воспроизводимого в издании, производится совершенно различно лингвистами, с одной стороны, и историками и лингвистами — с другой, особенно при наличии многих списков одного памятника. Лингвист владеет в основу издаваемого текста список, наиболее ценный с точки зрения языка; историк и лингвист — список, выбранный на основании требований своих наук. Историк и лингвист изучают всю историю текста с точки зрения его идейного содержания, исторической значимости и т. д.; у лингвиста более простые требования (язык), но требования эти в подавляющем числе случаев диктуют выбор того или иного списка. Известно, например, что древнейший список очень часто не принадлежит к древнейшей редакции, но он почти всегда будет древнейшим по языку (за некоторыми исключениями).

2. Лингвисты нуждаются в издании списка, — историки и лингвисты издадут памятник. В гораздо большей степени, чем лингвисты, историки и лингвисты интересуются редакциями, историей текста, понимая ее часто на основании своей методологии иначе, чем лингвисты (ср. расхождения лингвистов и лингвистов в понимании истории текста «Моления Даниила Заточника»). Думать, что лингвист или историк в своем понимании текста и его истории всегда совпадет с лингвистом, нельзя. Пользуясь научным изданием памятника, особенно важно знать кем приготовлен текст — историком или лингвистом, чтобы правильно представить себе, из каких данных он исходил, устанавливая текст; эти данные не могут быть целиком изложены в археографическом введении к публикации: надо знать методику текстологической работы, которая различна в различных дисциплинах.

3. Решительно отличен у лингвистов и историков, с одной стороны, и языковедов — с другой, выбор разночтений и характер исправлений основного списка. Если включить в разночтения все отличия — орфографические и графические, это невероятно загромождает издание и делает разночтения фактически недоступными для пользования. Значит, надо разночтения давать выборочно (в большей или меньшей степени),

но выбор их у языковедов, историков и литературоведов не будет совпадать (здесь, кстати, намечаются различия и между историками и литературоведами: последних будет, например, интересовать стиль произведения, и они будут выбирать разночтения, характеризующие этот стиль). Требовательного лингвиста, конечно, никакие разночтения не удовлетворят, так как в них невозможно отмечать все особенности орфографии, титла, выносные буквы и пр. Лингвист потребует для своих целей издания каждого списка отдельно и будет прав.

4. Нельзя думать, что самое прочтение рукописи, выполненное историком и литературоведом, сможет удовлетворить лингвиста. Ведь прочтение рукописи есть уже, до известной степени, ее истолкование. Это особенно ярко проявляется в расстановке знаков препинания, но касается также раскрытия титл, внесения в строку выносных букв, раскрытия сокращений (окончаний «ся»³ и «сь», «ь» в середине слова и т. д.), а особенно — разделения текста на слова. Бывают и обратные случаи, когда прочтения текста рукописи лингвистом не удовлетворяют историка, когда историк может со своей точки зрения точнее прочесть текст, чем лингвист, точнее его реконструировать. Иными словами, историк не может готовить издания для лингвистов, лингвист же для историков — на данном этапе изучения памятников это утопия. Издание Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карским, с точки зрения лингвистов, выполнено превосходно, с точки же зрения историков и литературоведов, оно выполнено плохо (Е. Ф. Карский соединил различные памятники)³. Вот почему А. А. Шахматов поступил правильно, издавая Симеоновскую летопись, Ермолинскую и пр. только для историков. Для лингвистов их следовало бы издать иначе. Напомню, что и некоторые советские историки, надеявшиеся своими изданиями удовлетворить лингвистов, ошиблись в своих ожиданиях.⁴ Даже если бы превосходные лингвисты и историки объединили свои усилия при издании памятников, — все равно при совместной подготовке текста к изданию им пришлось бы встать либо на точку зрения лингвиста и издавать для лингвистов, либо стремиться удовлетворить потребности историков, как это и делал в своих изданиях А. А. Шахматов, каждый раз точно имевший в виду конкретного адресата. Одним словом, научные издания, как нам кажется, могут быть только целенаправленными. Только в очень простых случаях (короткий памятник в одном или двух списках) можно вести работу по подготовке издания, учитывая сразу интересы нескольких наук.

Можно было бы привести и еще ряд соображений в пользу того, что издания, предназначенные для историков и литературоведов, и издания для языковедов не должны смешиваться, но думаю, что и сказанного достаточно.

³ М. Д. Присьежков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, «Уч. зап. Государственного пединститута им. Герцена», Л., 1939, т. 19, стр. 183.

⁴ Ср., например, издание: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л., Изд. Ин-та истории АН СССР, 1950.